

Гу Цинчэн только собрался открыть рот, как Лю Инъин улыбнулась, но в её взгляде сквозила угроза:

— Что, даже мне не хочешь сделать приятное?

— Нет, — Гу Цинчэн улыбнулся, но в его глазах не было тепла. Он посмотрел на Цзян Чэна, но тот уже не смотрел на него, а сосредоточенно наблюдал за Лю Инъин. По какой-то причине его сосредоточенный и влюбленный взгляд вызывал у Гу Цинчэна раздражение. Он думал, что Цзян Чэн слишком хорошо играет роль. Гомосексуалист, притворяющийся гетеросексуалом, и так убедительно. Его пылкий взгляд на Лю Инъин был настолько интенсивным, что казалось, он хочет её съесть.

Актер, да еще какой. Его игра вызывает восхищение.

Гу Цинчэн вдруг улыбнулся:

— Хорошо, только если вы не будете против, что я буду третьим лишним.

Сестрица Хун была занята и не пошла, поэтому Гу Цинчэн занялся разговором с Сяо Таном. В машине, кроме Цзян Чэна и Лю Инъин, были еще несколько человек из студии Лю Инъин. Они казались очень знакомыми, и в машине то и дело раздавался смех, оставляя Сяо Тана и Гу Цинчэна в неловком молчании.

В караоке Гу Цинчэн спокойно сидел в углу и ел. Он заметил, что Лю Инъин была настоящим мастером пения, она знала все песни. Затем Сяо Тан, который, оказывается, умел петь бэк-вокал. Гу Цинчэн чувствовал легкое раздражение, наблюдая, как тот осторожно подпевает Лю Инъин. Затем люди, которых привела Лю Инъин, начали уговаривать Цзян Чэна:

— Брат Цзян, спой что-нибудь, спой дуэтом с сестрой Инъин.

Гу Цинчэн внутренне злорадствовал: «Ну давай, покажи, как ты будешь играть влюбленного с Лю Инъин». Он откусил кусочек арбуза и поднял глаза на Цзян Чэна. В комнате крутились разноцветные огни, создавая атмосферу хаоса. Он увидел, как Цзян Чэн едва заметно посмотрел на него, прежде чем взять микрофон.

Зазвучала музыка. Это была классическая дуэтная песня, довольно сложная — «Любовь в Хиросиме» Мо Вэньвэй и Чжан Хунляна. Но как только Цзян Чэн запел, Гу Цинчэн не смог сдержаться и выплюнул арбузный сок и мякоть.

Это было нечто среднее между воем и криком. Гу Цинчэн прожил достаточно долго, чтобы понять, что такое пение, которое может убить. Его выброс остался незамеченным, но он сам смутился и быстро схватил салфетку, чтобы вытереть рот. Но Цзян Чэн пел все громче, качаясь и выкрикивая слова с комичной серьезностью. Гу Цинчэн еле сдерживал смех, живот у него болел от напряжения. Он думал, как можно так бесстыдно петь.

Когда Цзян Чэн закончил, все в комнате смеялись до боли в животе, но, чтобы не обидеть его, все бурно аплодировали и хвалили. Гу Цинчэн, сдерживая смех, сидел в углу, никак не мог прийти в себя. Цзян Чэн вдруг сел рядом с ним и улыбнулся:

— Эта песня вымотала, нужно отдохнуть, сбил дыхание. Продолжайте.

Он взял со стола кружку пива и выпил. Лю Инъин продолжила петь, на этот раз дуэтом с Сяо Таном. Оба были хороши, и песня звучала очень романтично. Гу Цинчэн сидел в углу, слушая,

разноцветные огни мелькали на его лице, его глаза то светились, то погружались в тьму. Вдруг кто-то схватил его руку, быстро и решительно, как леопард, хватающий добычу. Гу Цинчэн резко поднял голову и увидел Цзян Чэна, который смотрел на Лю Инъин, но его рука крепко сжимала его. Гу Цинчэн попытался вырваться, но Цзян Чэн сжал еще сильнее, и Гу Цинчэн почувствовал боль. Он нахмурился, но не сказал ни слова.

Их руки были крепко сжаты, Гу Цинчэн был раздражен, но не мог вырваться. Кроме того, он не хотел устраивать сцену. Цзян Чэн, видимо, знал, что он так поступит, и даже начал гладить его руку большим пальцем.

Уши Гу Цинчэна покраснели от злости. Он наклонился к Цзян Чэну и тихо спросил:

— Что ты делаешь?

— Ты избегаешь меня?

— А разве не должен?

— Я же сказал тебе, что тогда просто хотел показать, что у меня нет чувств к мужчинам. Если бы ты не убежал, ты бы понял, что у меня ничего не случилось.

Гу Цинчэн напрягся, готовый выругаться, но Цзян Чэн продолжил:

— Ты видел, как я отношусь к Лю Инъин.

Они наклонились друг к другу, словно из-за шума в комнате. Гу Цинчэн усмехнулся:

— Ты думаешь, я поверю? Я что, идиот?

— А что мне сделать, чтобы ты поверил?

— Я никогда не поверю. Ты просто гомосексуалист.

Как только эти слова сорвались с его губ, Цзян Чэн сжал его руку еще сильнее. Гу Цинчэн раздраженно посмотрел на руку Цзян Чэна и вдруг заметил на его запястье явный след укуса.

Это он был виновником.

Гу Цинчэн увидел этот след и слегка смутился. Цзян Чэн последовал за его взглядом и злобно сказал:

— Раньше ты укусил меня за лодыжку, теперь за запястье. Ты что, собака, что любишь кусаться?

Гу Цинчэн покраснел:

— Буду кусать. Если осмелишься снова так себя вести, укушу еще.

— Тогда укуси меня до смерти, — вдруг мягко сказал Цзян Чэн, его взгляд стал теплым. Гу Цинчэн подумал, что этот человек, наверное, мазохист. Его укусили, а он радуется, словно ждет следующего раза.

— Если не отпустишь, я закричу.

— Ты не посмеешь.

Цзян Чэн, казалось, был уверен в этом, его взгляд был наглым. Гу Цинчэн, который не терпел давления, сразу же крикнул:

— А!

Но в тот момент, когда он закричал, Цзян Чэн мгновенно отпустил его руку.

Все в комнате удивленно смотрели на него. Сяо Тан и Лю Инъин, держа микрофоны, перестали петь и спросили:

— Что случилось?

Гу Цинчэн смущенно улыбнулся, украдкой взглянув на Цзян Чэна, который спокойно пил пиво. Он сказал:

— А! Вы так здорово пели!

Он начал хлопать в ладоши. Сяо Тан и Лю Инъин переглянулись, видимо, решив, что он сошел с ума.

Только Гу Цинчэн знал, что его правая рука была красной от сжатия.

Рядом с Цзян Чэном он больше не мог сидеть спокойно, поэтому встал и вышел из комнаты. Прогулявшись по коридору, он зашел в туалет. Только вышел, как встретил Цзян Чэна, который курил снаружи. Тот спросил:

— Хочешь сигарету?

Гу Цинчэн покачал головой, огляделся, чтобы убедиться, что никого нет, и спросил:

— Что ты тогда делал? Если уж играешь роль, играй её до конца. Твоя девушка все еще внутри.

Цзян Чэн, держа сигарету в зубах, прищурился:

— Ты же не веришь в это, зачем мне продолжать?

— Значит, ты признаешь, что играешь роль?

Цзян Чэн кивнул:

— Только чтобы ты успокоился.

— Почему ты все время преследуешь меня? Я не буду с тобой связываться. Я гетеросексуал, мне противно быть с тобой близким.

Цзян Чэн, держа сигарету, стряхнул пепел и медленно выдохнул дым:

— Я знаю.

— Ты знаешь, и все равно так себя ведешь?

— Иногда я... — Цзян Чэн, казалось, был раздражен, посмотрел на него, его глаза горели. — Скажи, что мне сделать, чтобы ты успокоился. Я сказал, что не буду тебя трогать, и не буду.

Гу Цинчэн рассмеялся:

— А тогда в машине? Это что, не считается?

— Это не в счет. Я же сказал, я болен.

— Чем? — Гу Цинчэн раздраженно спросил. — Психически?

К его удивлению, Цзян Чэн беззастенчиво кивнул:

— Да, я психически болен. Ты будешь со мной спорить?

Гу Цинчэн был в тупике. Он думал, что Цзян Чэн действительно болен, и с ним невозможно было спорить. Он был зол, потому что понял, что проиграл. Он толкнул Цзян Чэна:

— Отойди, отойди.

— Подумай об этом.

— Я не пойду к тебе, никогда!

<http://bllate.org/book/16564/1512591>